

А.П. КАРАГУЛЯН

ГЕНОЦИД И ВОСПОМИНАНИЯ ПРОШЛОГО В РОМАНЕ ЛЕВОНА-ЗАВЕНА СЮРМЕЛЯНА “К ВАМ ОБРАЩАЮСЬ, ДАМЫ И ГОСПОДА”

Левон-Завен Сюрмелян – один из армянских писателей, кто обратился к теме геноцида. В романе “К вам обращаюсь, дамы и господа” он показал национальный дух своего народа, неподатливую волю сохранения национальной идентичности

Ключевые слова: геноцид, реальность, ощущение, критика, воспоминание, идентичность.

H.P. KARAGULYAN

**ARMENIAN GENOCIDE AND THE PAST IN THE NOVEL OF
L.Z. SURMELIAN “I ADDRESS TO YOU, LADIES AND GENTLEMEN”**

Levon-Zaven Surmelyan is one of the Armenian writers who turned to the topic of genocide. In his novel "I Address You, Ladies and Gentlemen", he showed the national spirit of his people, the unyielding will of preserving the national identity.

Keywords: genocide, identity, reality, sensation, criticism, memory.

УДК 82 : 9(479.25)

Б.Ж. ГАЛСТЯН, А.П. КАРАГУЛЯН

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН И АРМЕНИЯ. НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ

В. Гроссман – талантливый, советский писатель. В годы Великой Отечественной войны он был на передовой, писал статьи на военные темы. Итогом размышлений автора стала книга «Жизнь и судьба», которая по разным причинам не публиковалась. Много изменилось в жизни советского писателя, когда он посетил Армению и ознакомился с историей Армянского народа. Он написал эссе «Добро вам!», где рассказал о судьбе армянского народа и сравнил ее с судьбой еврейского народа, а также перевел роман Грачья Кочара «Нагапет» на русский язык.

Ключевые слова: национальность, военная проза, рукопись, Армения, идеология, национальный вопрос, геноцид.

Имя В. Гроссмана, наряду с именем А. Битова, часто упоминается в армянской периодике. А. Битов был русским, любимцем партийной элиты как в Армении, так и в Политбюро. Успехом пользовалась его книга «Уроки Армении». В. Гроссман, будучи евреем по национальности, не был любимчиком, несмотря на огромный талант. Судьба преследовала В. Гроссмана всю жизнь. Так, в 1961 году сотрудники Комитета государственной безопасности

(КГБ) конфисковали у В. Гроссмана рукопись романа «Жизнь и судьба», и с той поры эта рукопись то пропадала, то потом ее находили и снова запрещали.

В 1980 году роман был, наконец, издан в СССР и обрел популярность. Мемуаристы и исследователи пытались ответить на главный вопрос: каким образом вполне, казалось бы, обычный советский писатель мог на исходе 1950-х годов создать книгу, не соотносимую в принципе с контекстом официальной советской литературы.

В то время в Советской Армении большим успехом пользовалась книга Грачья Кочара «Дети Большого дома», которая рассказывала о патриотизме, осуждала сталинизм и очень напоминала книгу «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. Книга нуждалась в хорошем переводе на русский язык.

Дочь Кочара Мери Кочар рассказывает эту историю совершенно иначе: «Василий Гроссман приехал в Ереван осенью 1959 года. Это было тяжелое для писателя время, когда его роман «Жизнь и судьба» арестовали, и то ли в верхах, то ли в КГБ ему заявили, что роман выйдет в свет этак лет через двести. Гроссман был не только морально подавлен, но и стеснен материально.

Отец тогда мечтал издать на русском языке свой роман «Дети большого дома» и обязательно в переводе Гроссмана, которого просто боготворил» [1].

Так встретились два очень одаренных человека: еврей В. Гроссман и армянин Кочар (кстати, Кочар уже задумывал свой знаменитый «Наапет», который выйдет в свет в 1967, и, вероятно, рассказывал Гроссману о погромах и гонениях армян). Гроссману как представителю еврейской нации было все понятно.

С середины 1950-х годов Гроссман уже был мастером военной прозы. Его очерки переиздавались вновь и вновь, а роман «За правое дело» стал классикой. Об аресте рукописей не знал почти никто, поэтому и гласных переоценок литературной репутации Гроссмана не было. Он, в принципе, мог все заново начать, написать еще одну книгу о войне, вроде романа «За правое дело», или даже завершить последний, но менее провокационно. У него никто не отнимал такой возможности.

В 1960 г. Гроссман опубликовал несколько фрагментов книги «Жизнь и судьба» в советской периодике. Публикации эти должны были оплачиваться по высокой ставке, поскольку Гроссман считался известным военным писателем. Приблизительно в это же время Кочар продолжает работать над известным своим романом «Дети большого дома» об участии армянской молодежи в войне. Но впоследствии Кочар, видимо, решил продолжить работу над книгой. В 1959г. появилось ее продолжение, ставшее, таким образом, второй частью романа. Соответственно, возникла необходимость перевести вторую книгу. И для решения этой задачи был выбран В. Гроссман. В. Гроссман был не просто

переводчиком, но и мастером военной прозы. Ему полагалось не только оплатить переезд, проживание и питание, но и предоставить культурную программу. А работу надлежало оплатить по высокой ставке. Дорогой был гость – во всех смыслах. Отношения между Гроссманом и Кочаром под конец явно испортились. Приведем цитату из письма Гроссмана к Липкину: «Сема, вот я и окончил работу, - «доругаюсь» с автором, получу деньги и поеду в Сухуми» [2].

Кочар и Гроссман часто не понимали друг друга. Гроссман в одном из писем пишет: «С клиентом идут острые разговоры. Он человек очень неглупый, понимает, что ему сделано хорошо, но в то же время невольно меня ненавидит, как зверь, попавший на остров в лапы доктора Моро. А доктор Моро, действительно, его сильно резал и мял и несколько приподнял его на лестнице литературной эволюции. Но знаешь, очень больно: «Где моя шерсть, зачем отрезан мой хвост? Я не хочу быть голым, без шерсти» [3]. Разногласия, следовательно, возникли из-за вопросов художественных, хотя именно их и должен был решить В. Гроссман. Для того чтобы прояснить ситуацию, необходимо вернуться к ключевому событию - аресту романа «Жизнь и судьба». У Гроссмана все не так. Рукопись арестована – автор на свободе. В 1956 году Пастернак, не сказав начальству, отправил свое произведение за рубеж; за роман он в 1958 году получил Нобелевскую премию.

На родине писателя начался скандал. Поэтому Гроссмана не просто уведомили, что роман по идейным соображениям не подходит, но еще и то, что он затрагивает еврейскую тему, очень близкую к армянской тематике. Во время поездки по Армении, встречаясь с руководством республики, а также с армянскими писателями, он, наверняка, очень многое узнал об истории армянского народа, о погромах армянского народа. Чекисты сразу пресекли любую попытку печатания романа «Жизнь и судьба» Гроссмана как в СССР, так и за границей.

Командировка в Армению укрепила мужество Гроссмана, а встречи с Кочаром, который все время рассказывал ему о романе «Наапет», над которым работал мастер, наложили положительный след на творчество В. Гроссмана как гражданина и писателя. В Армении он получил хорошие командировочные, заработал большие деньги и, набравшись мужества, решил написать письмо Н.С. Хрущеву, в котором просил вернуть и напечатать роман «Жизнь и судьба». В 1962 году в Москве вышел роман Кочара «Дети Большого дома» в переводе В. Гроссмана.

После этих событий его принял главный идеолог СССР и псевдоинтернационалист М.С. Сулов, отвечающий за все идеологическое.

Он говорил с ним уважительно, называл «товарищем», к просьбе его отнесся с пониманием, но отказал. Роман провокационный – публикация неизбежно приведет к грандиозному скандалу, люди не поймут и не простят... Но

не это главное. Главное, по словам Сулова, что ситуация не безысходная. И драматизировать ее не надо. Гроссману ведь никто не запрещает писать. Только писать нужно так, как предписано.

Армения и армянский народ полностью изменили мировоззрение В. Гроссмана. Общась с видными представителями армянской интеллигенции В. Петросяном, С. Капутикян, О. Ширазом, В. Амбарцумяном, побывав в Св. Эчмиадзине, Гроссман вдруг понял, что история его нации очень похожа на историю армянского народа. И если на самом высоком партийном уровне от него требовали, чтобы он никогда не упоминал о национальностях, что все нации – как братья, то в Армении он по-другому посмотрел на мир. Свои размышления он назвал «Путевые записки пожилого человека». Позже он назвал «Добро Вам» - «Барев дзез».

Гроссман, по словам Липкина, отправил рукопись Твардовскому, тот ее одобрил, и текст вскоре был сдан в набор, однако возникла проблема: «...главлит поставил на верстке свой жизнедеятельный штамп, но предложил приказал – выбросить один абзац...». Далее Липкин цитирует этот абзац: «Я низко кланяюсь армянским крестьянам, что в горной деревушке во время свадебного веселья всенародно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о лагерях смерти, где немецкие фашисты убивали еврейских женщин и детей, низко кланяюсь всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи. Их лица, их глаза о многом сказали мне, кланяюсь за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовых и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза бросали человеко-ненавистники слова презрения и ненависти» [2].

До конца жизни я буду помнить речи крестьян, услышанные мною в сельском клубе».

Но есть факты, которые неизвестны широкой общественности. Эти факты полностью меняют мировоззрение В. Гроссмана.

В 1962г. первый секретарь Я. Зурабян встретился с известным ливанским общественным деятелем армянского происхождения Андраником Царукяном. В. Гроссман знал об этой встрече, об идее проведения официального мероприятия, посвященного 50-летию геноцида. В. Гроссман знал также из бесед с С. Капутикян, что армянское руководство подготовило справки для Политбюро. О встречах с верхами знали вся интеллигенция Армении, Союз писателей Армении.

А. Громько опасался недовольства турок, с которым в тот период были установлены хорошие отношения, но в конце концов согласился, только с одним условием: «Только, пожалуйста, без территориальных претензий». Но вернемся к рукописи «Барев дзез» («Добро вам»). За это время как будто очень многое происходит. Рукопись находится в Армении в редакции «Литератур-

ная Армения», но из-за строк, запущенных главлитом, редакция «Литературной Армении» опасается напечатать. Благодаря профессору, литературоведу Левону Мкртчяну удалось убедить редакцию в безопасности и необходимости напечатать работу. И в 1965 году «Литературная Армения» напечатала статью, конечно, без запрещенного абзаца.

Все эти детали приобрели особое значение в 1980-х годах, когда роман «Жизнь и судьба» Гроссмана начали издавать за границей и переводить на европейские языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кочар М.Г.** Поездка В.С. Гроссмана в Армению в публицистике и мемуарах.- Ереван: Советакан грох, 1996.- 39 с.
2. **Липкин С. А.** Жизнь и судьба Василия Гроссмана.- М.: Книга, 1990. -57 с.
3. **Гроссман В.С.** Добро Вам.- М.: Советский писатель, 1967.- 45 с.

Բ.Ժ. ԳԱԼՍՏՅԱՆ, Հ.Պ. ԿԱՐԱԳՈՒԼՅԱՆ

ՎԱՍԻԼԻ ԳՐՈՍՍՄԱՆԸ ԵՎ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ. ԱՆԾԱՆՈԹ ԷՋԵՐ

Վ. Գրոսսմանը սովետական տաղանդավոր գրող է: Հայրենական մեծ պատերազմի տարիներին նա առաջնագծում էր, հոդվածներ էր գրում ռազմական թեմաներով, այդ թվում «Կյանք և ճակատագիր» գիրքը, որը տարբեր պատճառներով չի տպագրվել: Վ. Գրոսսմանի կյանքում շատ բան է փոխվել, երբ նա այցելել է Հայաստան և ծանոթացել հայ ժողովրդի պատմությանը: Նա գրել է «Բարին ընդ ձեզ» էսսեն, որտեղ խոսել է հայ ժողովրդի ճակատագրի մասին և այն համեմատել հրեա ժողովրդի ճակատագրի հետ, ոուներեն է թարգմանել Հրաչյա Քոչարի «Նահապետ» վիպակը:

Առանցքային բաներ. ազգություն, ռազմական արձակ, ձեռագիր, Հայաստան, գաղափարախոսություն, ազգային հարց, ցեղասպանություն:

B.J. GALSTYAN, H.P. KARAGULYAN

VASILY GROSSMAN AND ARMENIA. UNKNOWN FACTS

V. Grossman is a talented Soviet writer. During the Great Patriotic War, he was at the forefront of writing military-themed articles, including Life, Fate, which was not published for various reasons. Many things changed in Grossman's life when he visited Armenia and got acquainted with the history of the Armenian people. He wrote the essay "I wish you well", where he spoke about the fate of the Armenian people, compared it with the fate of the Jewish people, and translated Hrachya Kochar's novel "The Patriarch" into Russian.

Keywords: nationality, military prose, manuscript, Armenia, ideology, national question, genocide.